

«Какой ещё танхуа? — фыркнул про себя Е Сяои. — Сдался мне этот третий ранг! Моя цель — чжуанюань! Только первое место!»

Поглядев на чужие пропуска, где в графе особых примет красовались издевательские приписки вроде «маленькие глазки», «крупный нос», «толстые губы» или «длинные уши», юноша поспешил признать: начертанные на его личной карточке три иероглифа «исключительный красавец» — это ещё верх милосердия. Окажись там что-то иное, он бы расшибся в лепёшку, но подкупил писаря, заставив переделать бумагу. Шутка ли, ведь с этой грамотой ему придётся не разлучаться целых семь лет!

Когда изнурительные хлопоты с документами остались позади, Сяои вернулся домой.

Мо Юэ взял в руки его новенький пропуск. Пробежав глазами строчку с описанием внешности, он не сдержался и негромко рассмеялся:

— Сяо И, а ведь писарь не соврал. За эти годы ты и впрямь возмужал, стал на диво хорош собой.

Е Сяои лишь отмахнулся от подначек этого симулянта. Предстоял уездный экзамен, и помимо возни со свитками нужно было срочно обустроить быт на месте — решить вопросы с жильем, дорогой и пропитанием.

В уездном городе предстояло провести не меньше месяца, поэтому снять тихий, уютный дворик неподалеку от присутственных мест было делом первой важности. Экзамен состоял из пяти туров. На каждый требовалось явиться к рассвету под личную перекличку, а свитки сдавали лишь на закате. Даже на самом резвом скакуне мотаться каждый раз из Янчжоу в уезд не наездишься — непременно опоздаешь. К тому же после каждого испытания давали пять дней передышки, во время которых вывешивали списки прошедших, а затем объявляли следующий тур. Вся эта канитель растягивалась на долгие тридцать дней.

К моменту завершения туров наступит март, а там уже рукой подать до подачи документов на префектурный экзамен, который назначили на апрель. Сроки поджимали нещадно, времени на вдумчивое повторение почти не оставалось. Сяои приходилось лихорадочно латать дыры в знаниях прямо сейчас, до начала февральских испытаний. В такой суматохе ему было попросту не до каверз Мо Юэ — с интригами этого хитреца он разберется как-нибудь потом.

Узнав, что младший товарищ наконец решился сдавать экзамен на звание туншэна, проводить его явился Е Фантянь.

Два года назад этот везунчик умудрился сдать провинциальный экзамен, а затем победным маршем прошел столичный и дворцовый экзамены, ни разу не срезавшись. Получив в прошлую весну почетный титул танхуа, он тут же выхлопотал назначение обратно в Янчжоу и принялся вести привычную жизнь в компании Сяо Цяня и Сяои. Сдав экзаменационный квест, Фантянь устроился на непыльную, на редкость доходную должность в Министерстве финансов. Теперь он целыми днями предавался праздности, пировал и декламировал стихи, избавленный от

унылой столичной службы с её строгим распорядком. Вся его бывлая компания зеленела от зависти.

Сам по себе первый экзамен на звание туншэна считался делом пустяковым, но Фантянь от безделья раздул из него целое событие и непременно захотел устроить торжественные проводы. Вдобавок он притащил с собой Сяо Цяня. Из-за такой помпы Сяои даже не решался признаться, что сам изрядно мандражирует перед этой детской пробой сил. Кто знает, насколько сильны соперники? Если уж такой оболтус, как Е Фантянь, умудрился играючи стать третьим на дворцовом экзамене, то юноша всерьез опасался, что его в первый же день втопчут в грязь отпрыски именитых книжных кланов.

Подарки эти двое подобрали под стать себе. Нормальные люди приносят будущим ученым тушь, бумагу да изящные кисти, но эти приволокли целую гору еды и снадобий. Сяо Цянь выгрузил на стол целую аптеку: притирания, порошки для желудка, средства от тошноты, бодрящие зелья и успокоительные капли. Фантянь превзошел сам себя — его подношение состояло из связок карамельного боярышника-танхулу, кульков с очищенными семечками, лotosовых пирогов, слоеных пышек и фляги с имбирным отваром на тростниковом сахаре.

— Тебе из трактира «Ланьлин» каждый месяц такие деньжищи капают, что дорогими безделушками тебя не удивить, — рассудительно заметил Сяо Цянь. — Так что держи лекарства. Вдруг в уезде вода окажется дрянной или брюхо прихватит — хоть будет чем спастись.

Фантянь ухмыльнулся ещё шире:

— Ты вечно жалуешься, что от канонов тебя в сон клонит. Вот я и подумал: заснешь ещё прямо за столом, так хоть пожуюшь чего-нибудь сладкого, взбодрись.

Сяои закатил глаза:

— Господин Е, когда вы отправлялись в столицу, я преподнес вам картину кисти великого мастера, которая стоит целое состояние! А вы решили отделаться от меня уличным лакомством?

Приблизившись к уху юноши, Фантянь заговорщически прошептал:

— Твоя бесценная картина с весенними забавами красавиц сослужила мне отличную службу! Как взгляну на неё, так сразу вдохновение нахлынет — до самого дворцового зала муза не покидала. Так что в знак благодарности я принес именно то, что ты любишь больше всего. Скажи ещё, что я не старался!

Фантянь даже вкусы Сяо Цяня никогда не запоминал с такой точностью, а тут накрепко заучил, что этот малец обожает танхулу и семечки. Если это не забота, то что? Во всем Янчжоу, если не считать пестрых бабочек из весёлых кварталов, только этот юнец умудрялся

занимать все его мысли.

Сяои со вздохом принял эти странные дары и вместе с бабушкой отправился в уезд, где был приписан к экзаменам.

Старушка Е наотрез отказалась оставлять любимого внука без домашнего присмотра и поехала с ним, чтобы лично готовить обеды. Против этого Сяои ничего не имел. Но вот присутствие одного знатного постояльца вызывало у него массу вопросов.

— Твоё Высочество принц Мо Юэ, — вполголоса зашипел на него юноша. — Какого черта ты, калека несчастный, увязался за нами? А ну брысь обратно в постель, не путайся под ногами!

Тот скорчил невыразимо жалкую мину, прижал ладонь к груди и притворно раскашлялся:

— Я едва перенес эту дорогу сюда, а ты гонишь меня обратно? Мои кости не выдержат такой тряски. К тому же, чем глуше провинция, тем меньше там уважают закон. Мы ведь отлично знаем, на что способны уездные мироеды да местные заправилы. Оставить тебя одного на целый месяц среди этого сброда? У меня сердце будет не на месте. Позволь мне остаться рядом, я присмотрю за твоим тылом.

Сяои лишь безнадежно махнул рукой. Против упрямства этого человека у него не было оружия.

— Ладно. Коли приехал — сиди тихо и не смей устраивать свои штучки. А если возникнут трудности, зови Лу Шана. Сяо Цянь уступил мне его, этот малый — настоящий безупречный дворецкий, решит любую проблему. Все дела веди через него, уяснил?

Мо Юэ прищурился, неприязненно разглядывая почтительно замершего неподалеку Лу Шана. На душе заскребли кошки. Раньше ведь он сам заправлял всем в этом доме, и Сяои бежал к нему с любым пустяком. Стоило отлучиться всего на два года, как его безжалостно задвинули на задний план, лишив права голоса в семейных делах. Да ещё и заставили спрашивать совета у какого-то выскочки!

Не в силах смириться с потерей своего особого положения, он принялся то и дело маячить перед глазами юноши. Сяои пытался сосредоточиться на книгах, но это было решительно невозможно. То Мо Юэ принесет ему свежесваренный чай, то бесшумно поставит на край стола вазу с фруктами, то явится с тарелкой теплых пирожных, то с самым невинным видом поинтересуется, не желает ли молодой господин принять горячую ванну.

Наконец терпение Сяои лопнуло. Свиток выпал из его рук. Из-за этого непрерывного мелькания он за весь день не смог одолеть и пары страниц — только и делал, что провожал взглядом незваного гостя.

В сердцах юноша выставил назойливого симулянта за дверь, строго приказав лежать в постели и не высовываться. Однако не прошло и четверти часа, как из соседней комнаты донеслись тоскливые, надрывные звуки циня.

Бросив свиток на стол, раздосадованный Сяои вихрем ворвался в покои мужчины, бесцеремонно уселся на табурет и выдохнул:

— Ну и чего ты добиваешься? Чего тебе надобно?

Мужчина довольно улыбнулся.

— Твой учитель желает жить с тобой в одной комнате. Я имею в виду — делить одну спальню на двоих. Позволишь?

— И если я соглашусь, ты прекратишь устраивать этот балаган? — сокрушенно вздохнул Сяои, потирая виски.

— Обещаю, ни одной каверзы, — с самым честным видом закивал тот.

— Тьфу на тебя... Ладно, перебирайся сюда, — сдался юноша, махнув рукой. Спорить с ним дальше не было сил.

Стоило новоявленному жильцу устроиться в спальне внука, как старушка Е принялась без устали носить туда целебные отвары и наваристые бульоны. Пожилая женщина не могла нарадоваться на благонравие Мо Юэ. «Какой славный, преданный юноша! — сокрушалась она про себя. — Пострадал в море, прикован к постели, а всё одно — преодолевает недуг и рвется наставлять моего ненаглядного в словесных науках!»

Из чувства признательности бабушка окружила раненого заботой, потчует его лучшими яствами, дабы тот поскорее встал на ноги, да и соседи за спиной не шептались, будто хозяева изводят слуг непосильным трудом. Бедная женщина и не подозревала, что этот мнимый батрак спит и видит, как бы прибрать к рукам её сокровище. Узнай она, какие мысли роятся в этой царственной голове, она первая пришибла бы его ухватом.

Наступило второе число второго месяца — день, именуемый в народе «Дракон поднимает голову». Семь созвездий — Рог, Шея, Основание, Комната, Сердце, Хвост и Сито — выстроились на небосводе в очертания исполинского дракона, чей рог на закате должен был показаться над восточным краем земли. Этот день издревле сулил добрые всходы и удачу во всяком начинании, и именно на него назначили начало уездных испытаний.

Ещё до того, как рассеялись предрассветные сумерки, у ворот уездной управы собралась внушительная толпа соискателей и провожатых. Суэта царила невообразимая, мало чем уступая лихорадке современных экзаменов, разве что карет да коней в древности было

поменьше, оттого и обошлось без заторов на дорогах.

Сяои неспешно подошел к воротам управы как раз в тот миг, когда стражники принялись отворять так называемые Драконьи врата. Толпа соискателей мгновенно всколыхнулась и с ревом ринулась вперед: каждый мечтал прошмыгнуть первым, веря в доброе предзнаменование.

Заметив это движение, взволнованная бабушка торопливо впихнула в руки внука корзину со снедью и дорожный узел:

— Ну же, милый, шевелись! Говорят, первые полсотни вошедших непременно получают благословение небес!

Юноша с сомнением покосился на бушующее людское море. В такой давке немудрено было лишиться чувств или, чего доброго, оттоптать пальцы. Сломаешь руку — прощай каллиграфия и экзамен. Нет уж, подобные приметы ему даром не нужны.

Однако не успел он и слова вымолвить, как безупречный Лу Шан, едва услышав старушечий призыв действовать быстрее, подхватил молодого господина под мышки. В одно мгновение взлетев на стену, он легко перемахнул через головы беснующейся толпы и опустился по ту сторону Драконьих ворот.

Мо Юэ, которому из-за ложной немощи приходилось опираться на чужое плечо, лишь бессильно заскрежетал зубами, мысленно пообещав себе изжить этого ретивого слугу при первой же возможности.

Сяои тем временем обнаружил себя стоящим во дворе управы в гордом одиночестве. Он оказался первым, кто переступил заветный порог.

Вскоре сквозь ворота хлынули остальные соискатели, растрепанные и запыхавшиеся. Кто-то из них лишился кистей, у кого-то развалился судок с обедом.

Один из прорвавшихся юношей ощутимо хлопнул Сяои по плечу:

— Е Сяои, ну ты и везучий чертяка! Первым проскочил!

— А ты, собственно, кто такой? — удивленно приподнял брови тот. — Мы знакомы?

Юноша подскочил ближе и ткнул пальцем в собственное лицо:

— Да я же Ван Гаоцзюнь! Мы же из одной деревни, неужто позабыл?

— Ах, Ван Гаоцзюнь... — протянул Сяои, хотя имя это ровным счетом ничего ему не говорило.

Однако деревенский паренек оказался малым общительным и тут же затараторил:

— Тоже, значит, в ученые метишь? А я, видишь, за ум взялся, лихими делами больше не промышляю. Помнишь, как в детстве я тебе камнем в лоб зарядил? Так то по глупости малолетней было, бес попутал. Теперь-то я другой человек, так что не держи на меня зла, ладно?

Тут Сяои наконец вспомнил. Ну конечно! Это же тот самый малолетний паршивец из дома Ван Эргоу!

«Простить? Забыть о разбитой голове только потому, что ты вырос? — ехидно подумал юноша. — Как бы не так. Мой девиз прост: вижу тебя — плачу той же монетой. И не надейся на амнистию».

Сяои заговорщически прищурился и, понизив голос до шепота, произнес:

— Ладно уж, дело прошлое. Слушай, по-соседски предупрежу тебя: здешняя колодезная вода в управе — сущая отравка. Хлебнешь из чана — и до вечера с нужника не слезешь. Лучше к ней не прикасайся.

Ван Гаоцзюнь так и подпрыгнул на месте:

— Что же делать? Я ведь с собой только сухие лепешки взял, а флягу дома позабыл! У тебя-то вода есть? Поделись малостью, будь другом!

Сяои сокрушенно вздохнул, разведя руками:

— Да в том-то и беда, что в толкучке у ворот мой кувшин разбился. Ну да ничего, от жажды за день еще никто не умирал. А коли совсем немоготу станет — пей на свой страх и риск. Может, пронесет. Ну а если занеможешь прямо посреди тура — не беда, в следующем году пересдашь. Мы ведь еще молоды, вся жизнь впереди.

Услышав такое напутствие, парень растерял всю свою спесь. Рисковать целым годом учебы ради глотка воды? Дураков нет. Но перспектива давиться сухомыткой посреди душного зала тоже не предвещала ничего хорошего. А уж если прихватит живот...

«И надо же слугам управы быть столь нерадивыми! Чистой воды для почтенных книжников пожалели», — уныло размышлял Ван Гаоцзюнь, лишний раз убеждаясь, что злодейства в прошлом до добра не доводят и нужно старательнее замаливать грехи.

Пока Сяои с чувством выполненного долга устраивался за своим столом, Мо Юэ, томящийся за воротами, принял срочную депешу от соглядатаев из Форта Орла.

В это же самое время в императорском дворце столицы воцарился сущий хаос. На имя царственного старца одно за другим слетелись два десятка почтовых голубей со спешными донесениями с дальних рубежей. Вести были грозными: несметные полчища безвестных кочевников численностью в сто тысяч сабель подступили к Памирскому нагорью. Их цель была ясна — прибрать к рукам великий сухопутный шелковый путь. Между тем силы династии Мо-Сяо в Западном наместничестве едва насчитывали пять тысяч уставших, плохо вооруженных воинов.

Торговый тракт от заставы Юймэнь до Памира исстари принадлежал империи, и этот золотой мост ежегодно приносил в казну колоссальные пошлины. Позволить варварам забрать его без боя — значило навсегда покрыть позором имя правящего дома. К тому же, кто поручится, что дикари ограничатся лишь караванными путями? Что, если, сокрушив заставы, они хлынут вглубь страны и дойдут до самых стен столицы?

Великий князь Ле, едва успев примерить императорский венец, столкнулся с бедой, масштабов которой даже не мог вообразить. И ладно бы враг был знаком — двор до сих пор не ведал, из каких степей вынырнула эта орда! Срочно созванный чрезвычайный совет министров гудел, словно растревоженный улей. Придворные чины разделились: одни требовали мира любой ценой, другие в ярости потрясали кулаками, призывая к оружию. Но прежде чем принимать решения, требовалось немедленно бросить войска на подмогу пограничникам.

Губернатор Янчжоу, едва проснувшись, принял тайное послание от своего столичного покровителя. Пробежав глазами строчки, он в ужасе схватился за голову:

— Война?! Неужели война?.. Но как же быть с уездными экзаменами?

<http://bllate.org/book/18182/1759661>